

Стратегический потенциал механизмов микрокредитования и социального бизнеса для роста благосостояния населения Кыргызстана

Турдиев Т. И.

Российский государственный социальный университет в г. Ош; Ош, Кыргызская Республика; talaai@mail.ru

РЕФЕРАТ

Целью статьи явился анализ и осмысление стратегической роли микрокредитования и социального бизнеса в снижении уровня бедности. В статье показаны некоторые социально-эколого-экономические последствия бедности, значимые с точки зрения устойчивого развития региона и рассматриваются вопросы результативного использования микрокредитования и социального бизнеса в контексте снижения уровня бедности населения. Статья содержит анализ проверенных мировой практикой механизмов снижения уровня бедности и специфику использования данного накопленного опыта в Кыргызстане. Предпринимательская активность способна выступить альтернативным способом для социально-экономической активности населения и средством снижения уровня бедности населения.

Ключевые слова: стабилизация, бедность, кредитные отношения, предпринимательская среда, социальная политика, устойчивое развитие

Для цитирования: Турдиев Т. И. Стратегический потенциал механизмов микрокредитования и социального бизнеса для роста благосостояния населения Кыргызстана // Управленческое консультирование. 2020. № 4. С. 97–107.

The Strategic Potential of Microcredit Mechanisms and Social Business for the Growth of Welfare of the Population of Kyrgyzstan

Talaai I. Turdiyev

Russian State Social University in Osh; Osh, Kyrgyz Republic; talaai@mail.ru

ABSTRACT

The purpose of this article was to analyze and comprehend the strategic role of microcredit and social business in reducing poverty. This article shows some of the socio-environmental and economic consequences of poverty that are significant from the point of view of sustainable development of the region and addresses the effective use of microcredit and social business in the context of reducing poverty. The article contains an analysis of the mechanisms of poverty reduction tested by world practice and specifics of using this accumulated experience in Kyrgyzstan. Entrepreneurship can act as an alternative way for the socio-economic activity of the population and a means of reducing the poverty level of the population.

Keywords: stabilization, poverty, credit relations, business environment, social politics, sustainable development

For citing: Turdiyev T.I. The Strategic Potential of Microcredit Mechanisms and Social Business for the Growth of Welfare of the Population of Kyrgyzstan // Administrative consulting. 2020. No. 4. P. 97–107.

На настоящем этапе развития мировой экономики бедность выступает самой главной дестабилизирующей силой для устойчивого развития общества. В мире существует множество очагов концентрации нищеты населения, которая существенным образом подрывает основы гармоничного взаимодействия человека с окружающей

природной средой. Поэтому в настоящее время бедность зачастую рассматривается не только как социально-экономическая проблема, она рассматривается и как комплексная эколого-экономическая проблема современной цивилизации.

В современном мире одновременно существуют и центры экономического благополучия, где достигнуты высокие уровни социально-экономического развития. Однако природно-ресурсный потенциал развитых стран в значительной степени подорван в процессе достижения высоких показателей социально-экономического развития. Поэтому общемировые стратегии, как правило, для развитых стран предусматривают экологические приоритеты для достижения глобального устойчивого развития; в то время как для отсталых и бедных стран приоритетом является преодоление бедности и нищеты населения.

Хорошо известно, что конечная цель социально-экономической политики — это повышение уровня благосостояния населения и улучшение качества жизни всех категорий граждан. Именно в повышении уровня благосостояния населения отражается не только экономический рост, но и его социальная направленность. Социально-экономический прогресс не может быть полноценным, если он не приводит к повышению уровня благосостояния населения. Бедность населения, сопровождаемая процессами имущественной поляризации общества, порождает проблему гуманизации всей совокупности общественных отношений и расшатывает нравственные, этические и иные устои гармоничных взаимоотношений между обществом и природой [6, с. 36; 7, с. 48].

Борьба с бедностью является одним из основных мандатов многих международных организаций. Миссия очень многих международных экономических организаций, фондов заключается именно в преодолении бедности и нейтрализации негативных последствий бедности и нищеты. Международные организации одновременно реализуют превентивные и стабилизационные меры, призванные минимизировать социальные, экономические, демографические и ресурсно-экологические последствия бедности практически во всех регионах планеты [12, с. 85; 16, с. 5; 3, с. 22].

Во многих странах в интересах более устойчивого социально-экологического и природно-экологического развития реализуются комплексные меры, направленные на нейтрализацию отрицательных последствий бедности для социума и природы.

Бедность, как и безработица, в принципе неискоренима и главным здесь объективно выступает уровень или масштаб бедности в обществе. Уже далеко не дискуссионным выглядит положение о том, что в любом обществе всегда были, есть и будут бедные и богатые, так как объективный процесс общественно-экономического развития всегда сопровождается дифференциацией населения по уровню доходов и благосостояния.

Понятие «бедности» всегда относительно, потому что сами «минимальные потребности» относительны и зависят от уровня развития экономики, благосостояния общества, и НТП. Круг потребностей, степень их удовлетворения, признаваемые обществом как минимально допустимые в передовых странах качественно другие, чем в отсталых странах. Да и сами границы понятия бедности подвижны, поэтому точное определение кто беден и кто богат достаточно сложно, хотя бы и по субъективным факторам [16, с. 6].

Таким образом, повышение уровня благосостояния населения есть узловая стратегическая цель социально-экономической политики и ключевой показатель ее результативности. Очевидно, что сокращение масштабов бедности является одной из основных составляющих достижения данной цели.

Бедность в Кыргызстане в постсоветский период времени стала самой острой социально-экономической проблемой. Бедность в Кыргызстане, приобретая все более застойный характер, уже стала одной из главных проблем социо-эколого-

экономической политики, неким «гордиевым узлом», в котором тесно сплетены нити социально-политических и эколого-экономических дисбалансов, рыночных преобразований и формирования предпосылок для региональной стабилизации и устойчивого развития [13, с. 136].

Бедность населения в Кыргызстане порождает много проблем в общественно-политической, социальной и эколого-экономической сферах. В общественно-политическом отношении в Кыргызстане уже произошли две «цветные революции» (в 2005 и 2010 гг.). Основная причина этих общественно-политических потрясений — бедность и нищета основного населения. Хотя социальная турбулентность населения Кыргызстана в определенной степени обусловлена и резкой имущественной дифференциацией, которая существенно превышает критические показатели.

В социальной сфере самым масштабным последствием бедности населения Кыргызстана является миграция населения, первая большая волна которой наблюдалась во второй половине 1990-х годов и на рубеже тысячелетий. А на данном этапе преобладает, конечно же, временная трудовая миграция, которая в основном направлена в сторону Российской Федерации [5, с. 143; 11, с. 58; 14, с. 80]. Денежные переводы трудовых мигрантов в Кыргызской Республике в настоящее время являясь важным источником реального обеспечения социально-экономической жизни в регионах Кыргызстана. По сути, за счет денежных переводов трудовых мигрантов и выживает основная доля бедного населения [4, с. 48; 8, с. 85]. Например, только в 2018 г. трудовые мигранты в Кыргызстан перевели около 2,1 млрд долл.

Кыргызстан регулярно входит в десятку стран, где денежные переводы от трудовых мигрантов превышают 25% от ВВП страны. Думается, что именно интересы трудовых мигрантов в существенной степени предопределили необходимость и важность вступления Кыргызской Республики в ЕАЭС в 2015 г., который был исторически верным и стратегически выверенным решением страны.

Бедность в Кыргызстане приводит к масштабным негативным эколого-экономическим последствиям. Основное аграрное население хищнически эксплуатирует природные условия и ресурсы в целях выживания, что приводит к порче и деградации природного богатства страны.

Важный стратегический социально-экономический контекст — состояние демографического потенциала страны. Киргизия демонстрирует, хотя и не так резко, как это делают соседние страны — Узбекистан и Таджикистан, положительный демографический рост. В условиях нерешенности проблем бедности основного аграрного населения демографический рост приводит к росту масштабов бедности. Горные территории Кыргызстана характеризуются суровыми природно-климатическими условиями. Следовательно, по причине утомленности людей в условиях высокогорья последствия бедности будут обостряться.

Структура населения Кыргызстана в зависимости от высоты местности и распределение числа населенных пунктов по высотности территории приведены в табл. 1.

В целом на данном этапе в Кыргызстане бедность, экономический кризис и экологическая напряженность «совпадают в пространстве и времени», плотно взаимодействуют и в их взаимодействие обладает кумулятивным эффектом, так как оно происходит в совокупности резонансных явлений.

Уровень бедности в Кыргызстане стабильно постоянно превышает приемлемые пороговые показатели в 2–3 раза. Про масштабы бедности пишут достаточно много, однако про профиль кыргызской бедности написано недостаточно. Хотя с точки зрения комплексных характеристик благосостояния населения страны и механизмов снижения уровня бедности важно знать страновую специфику и профиль бедности.

Структура населения Кыргызстана в 2018 г. в зависимости от высоты местности

Table 1. The population structure of Kyrgyzstan in 2018, depending on the height of the area

Высотные уровни м. над уровнем моря	Доля территории, %	Число населенных пунктов	Количество жителей, тыс. чел.
400–1000	5,8	704	3540,6
1001–1500	7,5	572	1351,1
1501–2000	15,1	406	949,3
2001–2500	14,1	146	325,6
2501–3000	16,1	24	84,6
3001–3500	17,8	—	—
3501–4000	16,2	—	—
4001 и более	6,8	—	—

Источник: Составлено автором на основе обобщения доступных данных Национального статистического комитета Кыргызской Республики.

В Кыргызстане в основе доминантного подхода к пониманию и преодолению бедности лежит представление о том, что бедность концентрируется вне отношений занятости. Однако, в отраслевом разрезе, в Киргизии лица, занятые в сельском хозяйстве, в сфере образования, здравоохранения, культуры, получают низкую заработную плату. То есть в стране целые профессиональные группы населения находятся в бедственном положении и возникла категория «новых бедных» — это работающие бедные (учителя, врачи, социальные работники и др.). Низкие доходы этих категорий людей связаны с низким уровнем оплаты их труда на государственных предприятиях и учреждениях, ненадежной занятостью, неплатежами заработной платы [15, с. 40].

Необходимо отметить, что около 67% населения Кыргызской Республики живут на селе, и основная доля бедных — это аграрное население. Иными словами, проблема бедности в стране скорее есть проблема сельской бедности.

Если попытаться определить самый главный профиль сельской бедности в Кыргызстане, то у бедных более многочисленные семьи. Около 56,3% семей, имеющих троих детей, являлись бедными, а 64,7% семей, имеющих четверых детей, также являлись бедными, и доля бедных семей, имеющих пятерых и более детей, составила 88,2%. Эти же показатели в сельской местности составили 57,9%, 66,7% и 86%, соответственно. Многодетность бедных семей создают предпосылки для «расширенного воспроизводства» бедности [15, с. 39].

С учетом профиля сельской бедности необходимо создать условия для бедных людей, которые способны преодолеть свою бедность. В целом, стратегия преодоления бедности в Кыргызстане должна быть направлена, во-первых, на создание предпосылок и возможностей для людей, которые активны, умеют «делать» работу и могут преодолеть свою бедность; во-вторых, концентрацию прямой поддержки там, где нищета обусловлена фактически непреодолимыми условиями и обстоятельствами жизни.

Так, нельзя не констатировать то, что бедность населения в Кыргызстане является многоплановой угрозой для социально-эколого-экономической безопасности региона и его устойчивого развития. Приоритетный характер интересов и задач по ликвидации бедности и нейтрализации ее последствий обуславливает необходимость реализации эффективных стратегий по борьбе с бедностью населения.

Одним из результативных стратегий борьбы с бедностью является микрокредитование (от англ. microcredit).

Основоположником теории микрокредитования является профессор экономики Мухаммад Юнус, который стал активно продвигать идею использования механизмов микрокредитования для снижения уровня бедности населения. В 1983 г. М. Юнус основал банк «Грамин», который активно занимался микрокредитованием бедных в Бангладеш. С 1983 г. банк «Грамин» выдал кредитов на сумму около 5 млрд долл.

С 1990-х годов прошлого столетия микрокредитование стало активно и масштабно стало распространяться по всему миру и по линии ООН 2005 г. был объявлен Международным годом микрокредитования, а Мухаммад Юнус в 2006 г. получил Нобелевскую премию мира.

Мухаммад Юнус на практике сумел показать возможности микрокредитования для снижения бедности в Бангладеш. С точки зрения М. Юнуса микрокредитование, по сути, есть революционный способ борьбы с бедностью населения. Одновременно микрокредитование выступает существенным элементом нового мышления.

Примечательно то, что механизмы микрокредитования в качестве реальной стратегии снижения бедности успешно были проведены в отдельных странах мира. Например, как сообщает академик РАН В. Л. Квинт, программа выдачи микрокредитов в отдельных регионах Болгарии привела к феноменальным результатам с точки зрения сокращения масштабов бедности и безработицы среди местного бедного населения. В Болгарии уровень безработицы на отдельных территориях страны достигал значения 80%, и только механизмы микрокредитования позволили существенно улучшить ситуацию и снизить масштабы безработицы. Аналогичный впечатляющий успех на базе использования механизмов микрокредитования был повторен и в депрессивных регионах Албании¹. Академик В. Л. Квинт справедливо выделяет следующие позитивные аспекты микрокредитования.

Во-первых, на фоне долгосрочной малоэффективности государственных программ раздачи прямой помощи бедным механизмы микрокредитования результативны в деле стимулирования локального микропредпринимательства. В таких странах, как Уругвай, Бразилия и Китай микрокредит в размере от 500 до 2000 долл. смог послужить реальной базой для эффективно функционирующих в экономическом отношении парикмахерских салонов, фотоателье и тепличных хозяйств².

Во-вторых, программы микрокредитования были эффективны даже в коррумпированных странах, поскольку принцип адресности и прозрачности деловых отношений в локальном микрокредитовании сделал «недосягаемым» сферу микрокредитования для коррупционных мотивов и интересов. Это очень актуально и перспективно для современного Кыргызстана потому, что тотальная коррупция и органично связанная с ней теневая экономика, масштабы которой до 40% к ВВП страны, сдерживает предпринимательскую активность субъектов.

Наконец, в программах микрокредитования, как правило, в экономическом контексте более успешны и результативны женщины³. Этот аспект очень важен и для Кыргызстана, поскольку в республике безработица более распространена среди женского населения. Наблюдается также скрытая дискриминация женщин при трудоустройстве, в оплате труда женщин, что в совокупности порождает гендерное неравенство, которое может быть преодолено на базе использования программ микрокредитования. Как показал опыт отдельных стран, одинокие женщины и

¹ Квинт В. Миф о транжире // Огонек. 2007. № 48. 02.12.2007. С. 1.

² Устименко И. Известный российский ученый и экономист Владимир Квинт прочитал лекцию для студентов ПГУ [Электронный ресурс]. URL: <https://novostipmr.com/2011/11/0/176-11-11> (дата обращения: 17.09.2019).

³ We Forgive You [Электронный ресурс]. URL: <http://www.fotbes.com/global/2003/0721/034> (дата обращения: 16.09.2019).

матери-одиночки, получив небольшие беспроцентные кредиты от 500 до 4000 долл. на период от 6 до 24 месяцев, успешно смогли создать свои успешные малые предприятия и своевременно вернуть кредиты. Думается, что женщины Киргизии, которые показали свою успешность в период стихийной челночной торговли 1990-х годов, скорее будут результативными и в микропредпринимательстве, реализуемом на базе программ микрокредитования.

По наблюдениям автора статьи, в настоящее время финансово-экономическая ситуация, наблюдаемая в Кыргызстане, в чем-то схожа с ситуацией в бедной Бангладеш во второй половине прошлого столетия. М. Юнус, давая общую характеристику банковской политике, был поражен тем, что в Бангладеш коммерческие банки практически не выдавали кредитов бедным, а выдавали кредиты только состоятельным субъектам. Аналогичная ситуация в настоящее время наблюдается и в Киргизии, поскольку кредитные ресурсы коммерческих банков фактически не доступны для бедных слоев населения. Более того, существует дополнительные барьеры. Например, для получения кредитных ресурсов для малого бизнеса субъекты должны вносить залог, что затрудняет получение кредитов.

Все еще сохраняется существенный разрыв между процентными ставками по депозитам и кредитам коммерческих банков, который достигает 10–15 п.п., что может быть связано со следующими причинами: во-первых, необходимостью покрытия затрат, вызванных привлечением срочных депозитов от населения по явно завышенным процентным ставкам; во-вторых, коммерческие банки пытаются оградить себя от потенциально неплатежеспособных заемщиков, путем повышения кредитных ставок.

Автор полагает, что наиболее результативной стратегией действия здесь может выступить государственная финансовая поддержка при кредитовании субъектов малого бизнеса, а также частных предпринимателей. Все дело в том, что как показывает мировая экономическая практика, эффективность государственной финансовой поддержки при кредитовании субъектов малого предпринимательства должна осуществляться через механизм субсидирования процентных ставок по банковским кредитам, который является наиболее приемлемым и результативным по сравнению с прямыми государственными выплатами.

В целом, в своем развитии банковская система Кыргызской Республики прошла лишь короткий путь своего становления [10, с. 73]. В силу этого активы банков в соответствии с международными стандартами должны быть на уровне 60–80% от уровня ВВП страны, то в Кыргызстане они составляют в пределах 24–25%.

В настоящее время в стране достаточно устойчиво развиваются кредитные союзы. В Кыргызстане около 15% всех кредитов, выданных микрофинансовым сектором страны, приходится на долю кредитных союзов, количество которых в республике составляет 559. Хотя доля эта мала, но тем не менее данное кредитное движение имеет давнюю экономическую историю (табл. 2).

Так, в Кыргызстане отношения по микрокредитованию стали активно и масштабно развиваться с 2000-х годов. В частности, Закон Кыргызской Республики № 117 «О кредитных союзах» был принят 28 октября 1999 г. А Закон Кыргызской Республики № 124 «О микрофинансовых организациях в Кыргызской Республике» был принят 23 июля 2002 г. С тех пор данная сфера кредитно-финансовых отношений стала поступательно развиваться и уже в 2018 г. в микрокредитные компании обратились 481 тыс. чел., т.е. 12% взрослого населения республики.

Доступность микрокредитов в микрофинансовых организациях удобна для сельских жителей. В силу этого, например, в 2018 г. микрокредиты больше всего брали на сельское хозяйство (30,64%), потребительские нужды (24,88%), а также на развитие торговли и общественного питания (13,67%).

Этапы развития кредитного движения в Кыргызской Республике
 Table 2. Stages of credit movement in the Kyrgyz Republic

Этап	Содержание этапа
I этап (с 1803 по 1908 гг.)	Появились первые кредитные кооперативы (союзы) в Туркестане (в составе России). Происходит усиление роли Государственного банка в регулировании деятельности кредитных кооперативных организаций. Развиваются местные банковские группы, создаются институты саморегулируемых организаций как орган саморегулирования и финансового взаимодействия
II этап (1908–1917 гг.)	Происходят процессы слияния (преобразования) в кооперативные банки как механизм привлечения средств населения и инвестирования для развития экономики. Расширяется сфера услуг для своих членов (сберегательная, залоговая, кредитная)
III этап (с 1917 по 1940 гг.)	Этап национализации кредитных ресурсов в руках государства, снижение роли кредитных кооперативов в кредитовании населения
IV этап (с 1940-х до начала 1990-х годов)	Деятельность кредитных кооперативов полностью приостановлена. Утерян опыт работы. В Кыргызской Республике (в составе СССР) усилиями работающих промышленных предприятий стали организовываться «кассы взаимопомощи»
V этап (с начала 1990-х годов по настоящее время)	Этап возрождения кредитных союзов в Кыргызстане в условиях проводимой аграрно-земельной реформы и частной собственности на землю. Усиление роли государства в кредитовании кредитных союзов. Принятие нового закона о кредитных союзах, предоставившего социальные, налоговые льготы. Внедрение пилотных проектов и появление первых кредитных союзов. Усиление государственного регулирования и внедрение банковского надзора и контроля за деятельностью кредитных союзов. Создание ассоциаций кредитных союзов как органа саморегулирования их деятельности. Предусматривается расширение спектра современных финансовых услуг, оказываемых кредитными союзами, привлечение новых категорий участников кредитных союзов

Источник: Кульматова Р. У. Объединение кыргызских кредитных союзов — закономерность развития кредитного движения // Наука и новые технологии. 2004. № 3. С. 21.

Однако и в сфере микрокредитных отношений кыргызстанский бизнес показал свою специфику. Все дело в том, что две крупные микрофинансовые компании «Компаньон» и «Финка», которые вместе обслуживали более 200 тысяч клиентов, — трансформировались в коммерческие банки. Но с учетом того, что у банковских учреждений более жесткие требования к клиентам, часть клиентов у этих банков ушла в другие микрофинансовые компании.

По состоянию на 19 августа 2019 г. в Реестре микрокредитных компаний Кыргызстана было зарегистрировано 103 микрокредитных компаний. В целом, в Кыргызстане ежегодный прирост охвата микрокредитованием составляет 20%, что неплохой показатель. Средние ставки микрокредитных компаний в 2018 г. составили 30–35%, что значительно выше, чем у коммерческих банков. Следовательно, доступность микрокредитов на данном этапе играет существенную роль, ибо,

несмотря на сравнительно высокие ставки микрокредитных компаний, наблюдается устойчивое развитие микрокредитных отношений.

Таким образом, в Кыргызстане микрокредитование, в целом, стало важным инструментом экономической политики, социально-экономическое значение которого усиливается. Однако на данном этапе актуально решить две основные проблемы. Первая проблема — это отсутствие кредитования банками Кыргызской Республики микрофинансовых организаций. Вторая проблема — это необходимость ликвидации в банковской сфере требования залогового обеспечения.

Так, необходимо краткое «историко-экономическое отступление», чтобы понять специфику стартовых условий Кыргызстана на пути его рыночного развития по шоковому сценарию. Это важно потому, что именно Кыргызстан получил мощный «социально-экономический нокаут» в первые десять лет своего рыночного постсоветского развития и, по сути, до сих пор не может выйти на устойчивую траекторию успешного развития (табл. 3).

Таблица 3

Объем внутреннего валового продукта в странах СНГ

Table 3. The volume of gross domestic product in the CIS countries

Объем ВВП в млрд долл.				Объем ВВП на душу населения, в долл.		
Страны	1990 г.	2001 г.	2001 г. к 1991 г. (меньше в разах)	1990 г.	2001 г.	2001 г. к 1990 г. (меньше в разах)
Россия	992,18	294,172	3,37	6685,47	2010,66	3,32
Узбекистан	57,857	16,755	3,45	2727,66	669,92	4,07
Казахстан	30,014	18,173	1,65	1767,58	1065,5	1,66
Кыргызстан	14,66	1,416	10,35	3280,67	294,14	11,15

Источник: Турдиев Т. И. Факторы социальной и эколого-экономической устойчивости Кыргызстана : монография. М. : МАКС Пресс, 2013. С. 87.

Поспешность в деле перехода к рынку «сбила с толку кыргызских управленцев» и способствовала процессам уничтожения производственного потенциала Киргизии. Например, невероятно быстро была разрушено колхозно-совхозная система Киргизии.

На фоне бурных процессов первоначального накопления капиталов в Кыргызстане, понятное дело, возрастал и удельный вес теневой экономики, которая органично связана с коррупцией и постоянно сопровождает ее.

В силу вышеприведенных аспектов на данном этапе важной институциональной особенностью переходного периода Кыргызстана является то, что наблюдается распространение в киргизском обществе сверхкоротких жизненных проектов, которые выражаются в прогнозировании людьми своих социально-экономических перспектив на непродолжительный временный период [1, с. 20].

Иными словами, в Кыргызстане «в пространстве и во времени» совпадают такие неблагоприятные процессы как «утечка умов», «утечка мускулов» и утечка капиталов, что предопределяет необходимость реализации инновационных стратегий по противодействию вышеуказанным негативным процессам.

На фоне вышеуказанной специфики важны энергичные комплексные меры развития предпринимательства и улучшения бизнес-условий для повышения уровня и качества жизни населения.

В этом смысле, думается, полезно на комплексной основе использовать и другие идеи М. Юнуса, в частности, его идеи развития социального бизнеса в контексте повышения благосостояния населения.

Идея социального бизнеса в интерпретации Мухаммада Юнуса интересна. Он пишет, что «...нам нужен новый вид бизнеса, который преследует иные цели, нежели получение прибыли, — бизнес, полностью ориентированный на решение социальных и экологических задач» [17, с. 36].

Так, основополагающая цель социального бизнеса заключается в создании социальных благ для тех, ради кого этот бизнес осуществляет свою деятельность. Компании социального бизнеса могут иметь прибыль, поскольку этот вид бизнеса должен быть самоокупаемым. Социальный бизнес реально становится привычной частью современного бизнес-ландшафта. В целом, главными принципиальными особенностями социального бизнеса являются следующие.

Во-первых, социальный бизнес самоокупаемый; созданный однажды, он дальше способен самостоятельно развиваться. Во-вторых, инвесторы, которые вкладывают свои средства в социальный бизнес, возвращают себе свои средства. При этом они могут реинвестировать возвращенные деньги в другой социальный бизнес.

Так, если первый вид социального бизнеса преследует цель создания общественных благ, то второй вид бизнеса ориентирован на получение прибыли, поскольку здесь владельцами компаний выступают бедные люди. Первый вид социального бизнеса призван обеспечить снижение уровня бедности и нищеты, социальную справедливость, доступность медицинских услуг. Полезность второго вида социального бизнеса заключается в том, что в результате роста дивидендов малоимущие владельцы предприятий избавляются от бедности. Считается, что первый вид социального бизнеса, помимо прочего, приносит эмоциональное и духовно-нравственное удовлетворение субъектам, которые вовлечены в такую деятельность.

Для Кыргызской Республики одинаково полезны оба вида социального бизнеса, поскольку уровень бедности в стране превышает в разы приемлемые показатели бедности населения. В условиях, когда в стране формируется бизнес-среда на основе рыночной идеологии хозяйствования, на первых порах более востребованным будет второй вид социального бизнеса. Это обусловлено главным образом тем, что этот вид бизнеса более ориентирован на рыночные механизмы деятельности на базе использования современного менеджмента и маркетинга.

По мере становления предпринимательской среды возникнет общественная потребность в развитии первого вида социального бизнеса, ориентированного на общественные блага, с точки зрения «готовности» бизнес-сообщества к такой общественно полезной деятельности. Ведь объективная необходимость развития такого бизнеса в регионах страны существует давно.

Автор считает важным то, что включенность бедных слоев населения через второй вид социального бизнеса к рыночным процессам способствует повышению экономической грамотности небогатых людей, стимулирует их предприимчивость и чувство хозяина. Здесь просто увеличивается охват населения рыночным мышлением, что хорошо на фоне перехода к рынку. Хотя самый значимый результат будет связан со снижением уровня бедности населения в Кыргызстане.

Первый вид социального бизнеса также имеет существенный потенциал, поскольку в товарном обществе, по сути, есть только два вида мотивации: ориентация на выгоду и ориентация на традиции. Например, по частному наблюдению автора, в Кыргызстане часть субъектов изначально ориентированы на традиционную деятельность, преемственность, сохранение уклада. Для них на первом месте не рыночная выгода, а сохранение отцовского ремесла, семейного дела и так далее. Для последних более подходит первый вид социального бизнеса.

Дополнительным фактором, выступающим как определенный социальный стимул в контексте развития первого вида социального бизнеса в Кыргызстане, является менталитет постсоветского человека, который испытывает некоторый психологический дискомфорт от своей рыночной успешности и стремится реализовать нечто, что полезно для местного сообщества. Для этого как раз таки подходит первый вид социального бизнеса, ориентированного на общественные блага.

В настоящее время в Кыргызской Республике развитие предпринимательства сдерживается рядом факторов институционального характера [2, с. 1005]. Однако на данном этапе предпринимательская среда в Кыргызстане формируется преимущественно стихийно и при этом государство в процессе регулирования рыночных процессов акцентирует свое внимание к тактическим и рутинным решениям в отношении регулирования бизнес-процессов. Однако именно такой подход, без выработки стратегических приоритетов, априори не может обеспечить стратегический успех [9, с. 16]. Поэтому в Кыргызстане на базе планомерности и стратегических подходов необходимо комплексно стимулировать развитие предпринимательства как предпосылки обеспечения социального благополучия и роста благосостояния населения.

Литература

1. Алимова Г.Б. Предпринимательство как фактор социального благополучия в Кыргызской Республике // Социальные технологии, исследования. 2017. № 6. С. 15–24.
2. Алимова Г.Б. Региональные особенности формирования среды предпринимательства в Киргизии: историко-экономический анализ // Региональная экономика: теория и практика. 2017. № 6. С. 1002–1015.
3. Боконбаев К.Дж. Глобальные изменения: новые вызовы и угрозы Центральной Азии // Известия Омского технологического университета. 2008. № 1. С. 17–25.
4. Власова Н., Топилин А. Миграция и углубление процессов интеграции в содружестве независимых государств // Международная миграция населения на постсоветском пространстве в эпоху глобализации / гл. ред. серии В. А. Ионцев. М. : Изд-во Московского университета, 2012. С. 46–52.
5. Воронова К.П. Современные тенденции трудовой миграции в России // Социальная политика и социология. 2010. № 1. С. 139–148.
6. Гаврилов В.П., Ивановский С.И. Общество и природная среда. М. : Наука. 2006. 212 с.
7. Жуков В.И., Локосов В.В., Осипов Г.В. Социология трансформаций России в меняющемся мире. М. : ИСПИ РАН, 2005.
8. Исмаилахунова А.М. Денежные переводы и трудовая миграция в условиях трансформационной экономики // Вестник Кыргызско-Российского Славянского Университета. 2014. № 8. Т. 14. С. 84–88.
9. Квинт В.Л. Поиск и исследование философских корней теории стратегии. Взаимосвязь философского и стратегического мышления // Управленческое консультирование. 2016. № 1. С. 15–21.
10. Кульматова Р.У. Микрофинансирование в странах с переходной экономикой: опыт и практика деятельности кредитных союзов в Кыргызской Республике // Финансы и кредит. 2008. № 33. С. 69–76.
11. Кумсков Г.В. Тенденции динамики денежных переводов трудовых мигрантов // Вестник Кыргызско-Российского Славянского Университета. 2012. № 4. Т. 12. С. 55–59.
12. Порфирьев Б.Н. Экономика климатических изменений. М. : Анкил, 2008.
13. Соколов В., Сарыгулов А. Современная Киргизия: многовекторность или безвекторность развития? // Вопросы экономики. 2010. № 2. С. 139–149.
14. Степаков С. Проблемы развития трудовой миграции в Российской Федерации и возможные пути их решения // Международная миграция населения на постсоветском пространстве в эпоху глобализации / гл. ред. серии В.А. Ионцев. М. : Изд-во Московского университета, 2012. С. 77–87.
15. Турдиев Т.И. Ликвидация бедности как решающая предпосылка стратегической безопасности Кыргызстана // Общество и экономика. 2018. № 10. С. 36–47.

16. Турдиев Т.И. Факторы социальной и эколого-экономической устойчивости Кыргызстана : монография. М. : МАКС-Пресс, 2013.
17. Юнус М. Создавая мир без бедности: Социальный бизнес и будущее капитализма / Мухаммад Юнус, Алан Жоли. М. : Альпина Пабlishерз, 2010.

Об авторе:

Турдиев Талаай Исраилович, доцент кафедры экономики и менеджмента филиала Российского государственного социального университета в г. Ош (Ош, Кыргызская Республика), кандидат экономических наук, доцент; talaai@mail.ru

References

1. Alimova G. B. Entrepreneurship as a factor of social well-being in the Kyrgyz Republic // Social Technologies, Research [Sotsial'nye tekhnologii, issledovaniya]. 2017. No. 6. P. 15–24. (In rus.)
2. Alimova G. B. Regional features of the formation of the business environment in Kyrgyzstan: historical and economic analysis // Regional economy: theory and practice [Regional'naya ekonomika: teoriya i praktika]. 2017. No. 6. P. 1002–1015. (In rus.)
3. Bokonbaev K. D. Global charges: new challenges and threats on Central Asia // News of Osh Technological University [Izvestiya Oshskogo tekhnologicheskogo universiteta]. 2008. No. 1. P. 17–25. (In rus.)
4. Vlasova N., Topilin A. Migration and deepening of integration processes in the Commonwealth of Independent States // International migration of the population in the post-Soviet space in the era of globalization / B. A. Iontsev — Editor in Chief of the series. M. : Moscow State University Publ., 2012. P. 46–52. (In rus.)
5. Voronova K. P. Current trends in labor migration in Russia // Social Policy and Sociology [Sotsial'naya politika i sotsiologiya]. 2010. No. 1. P. 139–148. (In rus.)
6. Gavrilov V. P., Ivanovskiy S. I. Society and natural environment. M. : Science. 2006.
7. Zhukov V. I., Lokosov V. V., Osipov G. V. Sociology of Russia's Transformations in a Changing World. M. : ISPI RAN Publ., 2005. (In rus.)
8. Ismailakhunova A. M. Remittances and labor migration in a transformational economy // Bulletin of scientific works of the KRSU [Vestnik Kyrgyzsko-Rossiiskogo Slavyanskogo Universiteta]. 2014. No. 8. Vol. 14. P. 84–88. (In rus.)
9. Kvint V. L. Search and research of philosophical roots of the theory of strategy. The relationship of philosophical and strategic thinking // Administrative consulting [Upravlencheskoe konsul'tirovanie]. 2016. No. 1. P. 15–21. (In rus.)
10. Kulmatova R. U. Microcredit in countries with economies in transition: experience and practice of credit unions in the Kyrgyz Republic // Finance and Credit [Finansy i kredit]. 2008. No. 33. P. 69–76. (In rus.)
11. Kumskov G. V. Trends in the dynamics of remittances of labor migrants // Bulletin of scientific works of the KRSU [Vestnik Kyrgyzsko-Rossiiskogo Slavyanskogo Universiteta]. 2012. No. 4. Vol. 12. P. 55–59. (In rus.)
12. Porfiriev B. N. Economics of climate change. Moscow : Ankil Publ., 2008. 168 p. (In rus.)
13. Sokolov V., Sarigulov A. Modern Kyrgyzstan: multiple view or none-vectoring of development? // Questions of economics [Voprosy ekonomiki]. 2010. No. 2. P. 139–149. (In rus.)
14. Stepanov S. Problems of development of labor migration in the Russian Federation and possible ways of their solution // International migration of the population in the post-Soviet space in the era of globalization / B. A. Iontsev — Editor in Chief of the series. M. : Moscow State University Publ., 2012. P. 77–87. (In rus.)
15. Turdiev T. I. Poverty eradication as a crucial prerequisite for Kyrgyzstan's strategic security // Society and Economics [Obshchestvo i ekonomika]. 2018. No. 10. P. 36–47. (In rus.)
16. Turdiev T. I. The factors of social, ecological and economic stability of Kyrgyzstan : monograph. M. : MAKS-Press Publ., 2013. (In rus.)
17. Yunus M. Creating a world without poverty: Social business and the future of capitalism / Muhammad Yunus, Alan Joly. M. : Alpina Publishers, 2010. (In rus.)

About the author:

Talaai I. Turdiyev, Associate Professor of the Department of Economics and Management of the branch of the Russian State Social University in Osh (Osh, Kyrgyz Republic), PhD in Economics, Associate Professor; talaai@mail.ru